

ИЗ ПОДПОЛЬЯ — В БОЙ

— Ну вот, наконец вы дождались! — такой фразой встретил меня председатель подпольного Сухумского окружкома партии Севериан Кухалейшвили, которого мы по-дружески звали просто Севой. — Есть указание крайкома направлять надежных товарищей в партизанские отряды Сочинского округа. На днях туда поедет из Тифлиса целая группа. Мы включаем и вас в нее.

Кухалейшвили, невысокий коренастый человек с проседью, был значительно старше многих из нас. Полгода назад, просмотрев мое командировочное удостоверение из ЦК партии Украины и явку от политотдела 14-й армии, он направил меня с конспиративными партийными поручениями в Тифлис и Баку. Потом я выполнял другие работы, ездил в Гагры — в расположение пограничных с деникинцами частей грузинской армии для организации там военно-технической комиссии по подготовке вооруженного восстания против меньшевистского правительства Грузии. После волны арестов, прокатившейся по Абхазии в связи с неудачным выступлением в Сухуми 12 октября 1919 года солдат 2-го полка грузинской армии, мы скрывались вместе с Кухалейшвили и несколькими партийными активистами под старым дубом, возвышавшимся среди густого орешника на горе Чернявского, пока осенние дожди не заставили нас искать другого пристанища.

В последнее время я прямо-таки падал ему своими настойчивыми просьбами направить меня к партизанам, развернувшим борьбу против белых от Гагр до самого Новороссийска.

И вдруг: «наконец вы дождались!».

Мы долго и обстоятельно говорили о положении в

Причерноморье, о задачах подпольщиков, о перспективах нашей работы. Они были заманчивы, эти перспективы!

— Значит, согласен? — закончив беседу, еще раз спросил Севериан Кухалейшвили и, не ожидая ответа, потому что не сомневался в нем, добавил: — Вот и чудесно! Желаю всего доброго.

Через несколько дней из Поти прибыл буксирный пароход «Чорох» — единственное судно, курсировавшее в то время по портам Грузии. В группе, о которой мне говорил Кухалейшвили, был мой товарищ по сухумскому подполью коммунист Иван Борисович Шевцов. Это к нему была у меня личная явка от начальника политотдела 14-й армии В. Н. Толмачева, и некоторое время я жил у него в Сухуми. С Шевцовым ехали в партизанский край бывшие командиры армии и советские работники. Все они имели конспиративные задания крайкома партии, о которых эсеро-меньшевистский Комитет освобождения Черноморья (КОЧ), конечно, не подозревал.

Армия формировалась в нейтральной зоне, под Гаграми, из местных партизан, бывших красноармейцев 11-й армии и дезертиров из деникинских частей. Называлась она крестьянским ополчением Черноморья.

В Гаграх мне, как и другим, предстояла беседа с председателем КОЧ Самариним-Филипповским, и я, понятию, волновался, опасаясь, что не сумею скрыть ни своего активного участия в Октябрьской революции, ни обстоятельств появления на Кавказе. На борту «Чороха» мы сообща наметили, как следует мне держаться.

...В кабинет Самарина-Филипповского мы вошли с М. Д. Томашевским, который представил меня председателю КОЧ. Здесь же находился и командующий крестьянским ополчением Воронович. В результате беседы я был принят в ряды ополчения, как революционно настроенный студент, политически еще не окончательно определившийся, но стремившийся отдать свои силы на борьбу против контрреволюции. В общем, комедия была разыграна отлично.

Незаконное совещание, которое мы, подпольщики, провели за несколько дней до начала военных действий, имело особое значение. На нем была подтверждена необходимость сохранения секретности существования нашей

группы. Непосредственный контроль за распоряжениями КОЧ и конкретное руководство действиями подпольщиков были поручены Томашевскому, Шевцову и мне. Без санкции конспиративной тройки никто из товарищей не имел права проводить в жизнь указания КОЧ. Больше того, нам самим предстояло действовать вразрез с политикой КОЧ. Чтобы избежать ошибок и разнобоя в работе, тройка и обязана была в последующем определять кто, когда, где и что должен делать.

Мы знали, что в предстоявшей сложной борьбе мы не будем одиноки. Уже в нейтральной зоне нам встретились В. Топкин, М. Воронков, И. Стасик и другие коммунисты, направленные партизанскими отрядами из-под Новороссийска. Да и не мудрено. Партизанское движение на Черноморском побережье Кавказа, то затухая, то разгораясь, не давало покоя белой армии. И денкинское командование не ошибалось, когда в каждом успехе повстанцев видело результат партийного руководства. Дробью ЦК партии, комитеты Ростов-Нахичеванский, Новороссийский, Екатеринодарский, краевой Тифлиссский — все они в разные периоды руководили через своих посланцев организацией и боевой деятельностью партизанских отрядов и соединений.

Штаб крестьянского ополчения разработал план общего наступления на денкинские части. Оно должно было начаться в ночь на 28 января 1920 года. В села Сочинского округа горными тропами заранее ушли связные, чтобы местные партизанские группы и отряды своевременно поддержали нас своими набегами.

По этому плану дружины и партизанский отряд крестьянского ополчения (всего около пятисот человек) должны были одновременно нанести по белым три удара — с тыла, с фланга и фронтальный. Для разрушения коммуникаций по побережью и наведения паники в тылу противника предполагалось высадить небольшой десант с моря между Адлером и Сочи.

Мне предоставили право самому выбирать, где участвовать в наступлении. Воронович думал, что я выберу фронтальный участок, где легче было ориентироваться, но я пошел в десант. Командиром десантной группы был назначен И. Б. Шевцов, а я его заместителем.

Мы сообща принялись укомплектовывать свой отряд. Первым вызвался ехать с нами бывший красноармеец

41-й армии пулеметчик Гриша Дмитриев. Подвижный и на редкость толковый, он сразу стал нашим ближайшим помощником. За ним потянулись его товарищи Павел Марков, Сергей Пономарев, Владимир Тютюпин, Субботин. Многих участников десанта, как это ни покажется странным, мы нашли на базаре. Там толпилось немало охотников найти путь к партизанам. Кроме бывших красноармейцев с нами собрались ехать несколько местных жителей (грузин), хорошо знавших здешние края. Одного из них, Михо Ломджария, я знал еще в школьные годы, когда путешествовал по побережью. Добродушный и общительный, он имел широкие знакомства, которые могли нам пригодиться.

В соответствии с общей задачей — навести папику в тылу у белых и помешать им увести технику и обозы — мы должны были взорвать или сжечь два-три моста, разрушить в нескольких местах шоссе на крутых поворотах и порвать связь. Для этой операции нужна была взрывчатка. Вооружить наш отряд было поручено мне.

И вот я сижу в блестящем пароконном фазтоне рядом с юным, подтянутым, франтоватым грузинским офицером. Со сдержанным любопытством и явной благожелательностью смотрит он на меня, оборванного, грязного, по радостного сверстника, идущего завтра в бой... Мы едем за город. Невдалеке от Гагр, в горах, в землянке, под охраной часовых находится склад взрывчатых веществ.

— А вы знаете, как со всем этим обращаться? — осведомился мой спутник, готовый помочь мне, если надо.

Я не преминул воспользоваться его практическими советами, понимая, что мой опыт пиротехника может оказаться недостаточным.

В Гагры, в «Новую гостиницу» (теперь «Гагрипши»), мы возвращались с полуторпудовым ящиком динамита, пероксилиновыми пашками, детонаторами, бинфордovým шнуром и другими припасами.

Кроме взрывчатки нам выдали винтовки и ручной пулемет «Льюис». Своих плавучих средств КОЧ еще не имел, и для десантной операции пришлось зафрахтовать достаточно вместительный, с палубой, частный моторный катер «Колхида». По вине портового надзора, долго требовавшего официального оформления документов на отход, наше судно снялось с якоря часа на три позже назначенного срока, вечером 28 января.

Десантники расположились вздремнуть на лавках в крытой части «Колхиды», а Шевцов, Дмитриев со своим «лыкоисом», я с протехническим сваряжением и кое-кто из красноармейцев остались на палубе. Примерно на траверзе Адлера, около полупочи, впереди нас показались какие-то огни, которые то отходили в открытое море, то снова приближались к берегу. Иногда они ненадолго гасли.

— Очевидно, сторожевое судно, — сказал шкипер.

Одержать верх в открытом морском бою мы не могли. Однако на случай попытки противника задержать нас надо было что-нибудь придумать. Я отозвал Гришу Дмитриева в сторонку, и, пока Шевцов выяснял со шкипером возможность обхода сторожевого судна, сообщил ему возникший у меня план. Мы условились прикрепить ящик с динамитом и связку детонаторов к бушприту, оттащить пулемет на корму, и в случае угрожающего приближения белогвардейского судна я должен был отстранить рулевого и повести «Колхиду» на таран, а Гриша — дать пулеметную очередь по ящику в момент столкновения с противником.

— Игорь, — позвал меня Шевцов, — у берега трудно проскочить, а если отклониться в море, придется высаживаться днем. Остается один выход — причалить в нейтральной зоне.

На том и решили. Дмитриев деловито установил пулемет на новом месте, чтобы быть готовым к любой неожиданности.

Горная река Псоу делила побережье на два лагеря: на юг простиралась Грузия с ближайшим селением Пиленково (теперь Леселидзе), на север — территория, занятая деникинцами и начинавшаяся селением Веселое. Деревянный мост соединял эти стороны.

Вплотную к берегу пристать оказалось невозможным, и мы добирались чуть ли не по пояс в воде. Высадившись на юг от моста, соединились с партизанским отрядом, который в преддверные часы должен был начать наступление на Веселое.

Местные крестьяне рассказали, что недалеко от селения у белых есть батарея из четырех орудий, пристрелянных по нейтральной зоне. Выше по реке в густых зарослях затаились три наших пикета: один из них имеет пулемет, другие — по три-четыре винтовки.

Меня направили проверить посты перед боем. Люди не спали, внимательно следили за противоположным берегом реки.

В одном секрете я увидел солдата деникинской заставы. По его словам, на этом участке реки у белых тоже находилось три секретных караула — по полвзвода и по взводу, и все с пулеметами. Перебежчик указал их расположение, заявил о готовности всей его заставы перейти на нашу сторону с оружием в руках. Доверяться на слово в этих условиях я, разумеется, не мог и приказал ему вернуться на пост и готовиться к переходу.

К утру не только эта застава, но и многие другие подразделения с радостью влились в наши ряды. Это были бывшие красноармейцы, попавшие в плен, или насильно мобилизованные иногородние из Кубанской области, крестьяне из Ставропольщины. Деникинское командование боялось перебросить столь неблагонадежное войско на фронт, против регулярных частей Красной Армии, и держало его в далеких тыловых полках, на «безопасной» границе с Грузией, спокойствие которой гарантировалось флагом английского короля. Однако ни «безопасных», ни «спокойных» границ у белых не оказалось, не помогли им и английские «гарантии»...

Я торопился сообщить штабу нашего отряда обстановку на передовой линии. После моего возвращения мы должны были немедленно выступить. Но на пути в отряд я внезапно ослеп. Сказались, по-видимому, и недоедание в предыдущие месяцы, и нервное напряжение в последние дни. Еле-еле различал я серую полосу шоссе и очень боялся пройти мимо затемненной дачи, в которой расположился наш штаб, или того хуже — потерять направление и забрести в расположение белых. К счастью, слепота скоро прошла.

Я доложил Шевцову обстановку, и мы стали готовиться к бою. Небольшая лесная сторожка — наш командный пункт — еле вмещала несколько человек. Шевцов вызывал наиболее опытных бойцов, давал последние указания, принимал донесения передовых постов. К ним уже присоединились первые перебежчики из деникинской заставы. Мы залегли в мокрый снег и грязь. Дмитриев дал несколько очередей по кустам на противоположном берегу, но ответа не было. Вскоре донеслось далекое таранье колес и какой-то шум.

— Артиллерию подвозят, — предположили кто-то в цепи.

Разведка, ходившая вверх по реке посмотреть, не форсировал ли ее противник на нашем фланге, донесла, что там все в порядке. И командир приказал атаковать заставу. Мы подкрались к мосту и бросились вперед со штыками наперевес. Мост этот, деревянный, метров шесть шириной и около пятидесяти длиной, был переплетен понизу еле различимой в темноте колочей проволокой. Мы бежали, спотыкались, вскакивали и снова бежали вперед с мучительным ожиданием встречного пулеметного огня. Но правый берег встретил нас тишиной.

Сторожевое охранение моста бежало, яе приняв боя. Налуганный одновременным ударом по фронту, с фланга и тыла, противник решил, что наступает регулярная армия Грузинской республики, и почел за лучшее отступить.

Местное население, натерпевшееся всяких бед от денкинцев, встретило нас радушно. Заявив селение Веселое, мы с Шевцовым разместили бойцов, затем и сами нашли пристанище в семье крестьянина Блока, известного своей помощью партизанам.

Наутро отряд пошел дальше, на Адлер. Мне же поручили собрать разрозненных пленных и перебежчиков. Бывшие денкинские солдаты заявляли, что переходят на нашу сторону, и наотрез отказывались сдавать оружие, требуя зачисления в отряды ополчения. Никто не мог поверить в их искренность, тем более что это были мелкие группы, почему-то задержавшиеся и отставшие от подразделений, организовано перешедших в наши ряды. Я собрал их, и мы тронулись в путь. Штаб ополчения догнали в районе Адлера. Здесь после успешных фланговых ударов и обходных движений собрались Томашевский, Фавицкий, Казанский и другие наши командиры.

Решался вопрос о взятии Сочи. И снова, не дав отдохнуть ни себе, ни противнику, отряды спешили в обход, устраивали демонстрации на второстепенных участках, стремительными фланговыми ударами сбивали врага с позиций и принуждали его во избежание полного окружения отводить свои части с фронта. Местные партизаны сеяли панику в рядах белых, нападая на их тыловые гарнизоны.

Утром 2 февраля мы вошли в Сочи. За несколько дней

силы наши по крайней мере утроились, оружием обеспечились за счет денкинских складов.

Среди обывателей заметно выделялись «господа», бежавшие с севера, и офицеры, не успевшие или не пожелавшие уйти от нас. Многие из них спрашивали, где будет находиться комендатура, чтобы зарегистрироваться. Они, видимо, думали, что их регистрируют и отпускают по домам.

Мы знали, что классовый состав и настроения сочинского офицерства были не одинаковыми. Чтобы разобраться в этом, изолировать явных врагов Советской власти от колеблющихся и лояльных офицеров, создали революционно-следственную комиссию. Ее председателем утвердили меня.

К работе в ревследкоме в качестве моего заместителя был привлечен бывший комиссар второй партизанской группы Геленджикского района В. А. Топкин, член партии с 1915 года. Ближайшими моими помощниками стали коммунисты и сочувствующие: сын старейшего сочинского большевика Александр Яичников, Сергей Ерофеев, Степан Выхристюк, Михаил Трусов, Григорий Дмитриев, В. Сальников, Д. Месиянкин, доонецкий шахтер Мясников, Покровский и другие. В моем постоянном распоряжении находился взвод комендантской роты, состоявший преимущественно из местных партизан под командой охотника из селения Воронцовка Николая Барибана.

Таким образом, у нас появилась возможность создать действительно боевой орган борьбы против контрреволюции в глубоком денкинском тылу, на территории, формально возглавлявшейся соглашательским КОЧ, — органом, деятельность которого была одним из первых реальных шагов по конкретному выполнению заданий Кавказского краевого комитета партии.

По плану руководства КОЧ задачи ревследкома ограничивались официальным разбором дел пленных офицеров, выявлением участников карательных экспедиций и сотрудников контрразведки, рассмотрением различных жалоб населения и т. п. Однако нельзя было согласиться на роль беспристрастных исследователей — у нас были иные задачи.

Каждый наш шаг, каждое решение проходили на глазах у партизан. Это обязывало нас, несмотря на законспирированность, проявлять решительность в борьбе про-

тив контрреволюции, действовать так, чтобы именно в нас, а не в Комитете освобождения Черноморья видели они людей, отвечающих их чаяниям и стремлениям. В то же время приходилось считаться с общими установками КОЧ, который весьма терпимо относился к буржуазии и всячески старался показать, что с большевистскими методами у него нет ничего общего. Крайние меры против карателей и их пособников нам приходилось принимать чрезвычайно редко и негласно.

Пленных и задержанных офицеров сначала отправляли в сочинскую тюрьму. В первый день их было человек двадцать, но затем почти ежедневно камеры пополнялись новыми денкинциами. То приводили офицеров, захваченных в очередном бою, то врагов, опознанных партизанами. Неопределимую помощь ревследкому оказали хорошо знавшие местные условия и людей руководители партизан А. Потариш, В. Балонкин, Н. Барибан, Горелов и другие. С их помощью ревследком знал, на какие районы и на какую часть населения следует обратить особое внимание.

Мы всячески разъяснили своим бойцам необходимость гуманного обращения с пленными. В денкинской армии служило много не добровольцев, а мобилизованных офицеров. Можно было уменьшить их сопротивляемость, если тем или иным путем вселить в них уверенность в личной неприкосновенности. Как вскоре стало известно, командование регулярной Красной Армии широко практиковало распространение в белых войсках листовок с призывом к офицерам сдаваться и с обещанием сохранить им жизнь.

Чтобы не ошибиться в решении судеб заключенных офицеров, всем им предложили написать объяснительные записки, заявления, просьбы и т. п. За содержанием офицеров под стражей наблюдали не только мы. В Сочи существовало отделение Общества Красного Креста. С нашим приходом его представители взяли на себя бытовую заботу о пленных.

Меньшевистское правительство Грузии и командование ее армии пристально наблюдали за развитием военных событий и ходом осуществления мечты о создании буферной республики. Они засылали в район восстания немало своих людей для подробного осведомления о жизни в освобожденной области и укрепления своих политических и деловых позиций. Однако кроме официальных представителей в Сочи стали появляться тайные согляд-

атаи, уголовники, спекулянты. КОЧ, чувствуя себя во многом связанным с Тифлисом, предпочитал на всякий случай ко всем относиться дружелюбно. Естественно, мы таких чувств к этим приезжим не питали, и когда кого-нибудь из них уличали в неблагоприятных делах, ему приходилось шагать под конвоем в тюрьму через весь город. Затем, ставя КОЧ перед совершившимся фактом, мы высылали такого «гостя» обратно. Дискредитируя таким образом представителей меньшевистских властей Грузии, мы укрепляли свой авторитет в глазах партизан, населения и руководства Комитета освобождения Черноморья.

В Сочи было немало распропагандированных врагом армян, которые предубежденно относились к нам. Мы нередко получали сигналы о несданном ими оружии, о тайных складах дефицитных товаров, о помощи белогвардейцам... Но произвести в этих домах обыск, а тем более арестовать кого-нибудь удавалось обычно с большим трудом.

Женщины армянских семей применяли против оперативной группы ревследкома очень своеобразный способ защиты: своих мужчин запирали в дом, а сами обступали нас шумной толпой и поднимали крик, чтобы привлечь внимание соседей, улицы, создать впечатление насилия. Стоило сделать движение к двери, как они хватили нас за руки и буквально висли на плечах. Только исключительная выдержка и такт наших товарищей приводили в конце концов к завершению операции.

КОЧ боялся, что наша решительность может породить нежелательные слухи, так что мы не предупреждали его о своих действиях, а предъявляли на следующий день вещественные доказательства.

Перед совершившимся фактом комитетчики оказались и в другом случае. КОЧ располагался в гостинице «Ривьера», многие номера которой продолжали занимать бежавшие от Советской власти богачи и офицерские семьи. От этого «высшего общества», представлявшего собой контрреволюционное гнездо, в любой момент можно было ожидать какого-либо выпада. И не удивительно, что именно они в открытую пытались установить связь с представителями английского и французского командования, приезжавшими в Сочи для разведки и переговоров с КОЧ.

Я поручил некоторым местным товарищам сделать разведку, и вскоре передо мной лежал список жильцов

«Ривьеры» с краткими сведениями о них. Посоветовавшись с Томашевским и Шевцовым, мы с Толкиным решили провести поголовный обыск и, не предупредив КЮЧ, ввели свой отряд в помещение гостиницы. Возмущению «господ» не было предела. Побежали жаловаться Самарину-Филипповскому. Однако наши сотрудники все же успели произвести обыск.

В одном номере, к великому конфузу всей «добропорядочной» семьи, извлекли из самовара браунинг, в другом — местом хранения револьвера оказался футляр фотоаппарата. Различные «секреты» скрывались за портьерами, под коврами, в комодах с бельем, в обуви.

Среди гостиничного населения нашлись люди, боявшиеся, что обнаружится их прошлое звание, служебное положение и т. п. Пожилые «господа» с корректной внешностью и холерными лицами вели себя, как проштрафившиеся школяры, когда мы выкладывали на стол найденные подлинники их документы.

А начальник разведки Донской казачьей дивизии сотник Греков, находившийся в отпуске по болезни, не скрывал ни своей вражды, ни своего чина, ни места службы. Регистрироваться в комендатуре он не считал необходимым, потому что не являлся, по его словам, боеспособным (язва желудка приковала его к постели), а револьвер не сдал, чтобы не обращать на себя внимания. Все откровенно и ясно! Но разведчик есть разведчик... И до закрепления наших побед он сменил гостиничную кровать на койку в тюремной больнице. Изъятые документы и оружие напугали КЮЧ и заставили его с большей осмотрительностью относиться к своим соседям по «Ривьере».

В своих воспоминаниях И. Б. Шевцов упоминает о визитах в КЮЧ представителей английского командования при штабе Деникина. Поэтому я хотел бы добавить лишь некоторые детали.

Мы знали, что в новороссийской тюрьме томится немало политических заключенных, предвидели скорое бегство белых и опасались, как бы деникинцы не учинили напоследок зверской расправы. Но и у нас к этому времени сочинская тюрьма уже не вмещала всех арестованных. Пришлось оборудовать на пустовавшей даче некоего Солдатенко лагерь для военнопленных офицеров.

Посоветовавшись с членами нашей группы о возможности обмена военнопленными, я и В. Толкин направились

в «Ривьеру», куда прибыл для переговоров с КЮЧ генерал Коттон. Уверенные в успехе, мы горячо обсуждали по дороге техническую сторону группового обмена. Больше всего нас тревожила возможность тайного уничтожения белогвардейской контрразведкой наиболее активных деятелей партийного подполья и партизанского движения.

Коттон, раздосадованный известием о взятии нашими войсками Туапсе, находился в крайне взвинченном состоянии и собирался отбыть в Новороссийск. Выслушав нас стоя, генерал надменно ответил, что наше предложение не может быть осуществлено.

— Почему?

— Никаких объяснений, — бросил он переводчику.

Видимо, в Новороссийске этот вопрос уже обсуждался и получил отрицательное решение. То ли широко известные деникинцам приказы командования Красной Армии, гарантировавшие неприкосновенность пленных, снимали тревогу за жизнь содержавшихся у нас офицеров, то ли генерал Киз, рассказывая в ставке Деникина о своей поездке к партизанам, дал такую уничтожающую характеристику пленным белогвардейцам, что получать таких «воjak» в обмен на активных и мужественных бойцов за Советскую власть было, разумеется, им невыгодно. А может быть, уже заранее было ясно, что я без этого «пополнения» в Новороссийске не хватит транспортов для эвакуации остатков разгромленных полков.

Мы дали понять Коттону, что судьба пленных офицеров непосредственно зависит от судьбы политических заключенных в Новороссийске. Генерал неопределенно пожал плечами. На этом наш разговор окончился.

...Взятие Туапсе означало выход наших войск на большую арену. Разбит и пленен Черноморский стрелковый полк со всеми складами, обозами, прекрасной артиллерией, открыта дорога на Кубань и в сторону Новороссийска, нет больше барьера, отделявшего нас от партизанской армии, которой командовал товарищ Моренец в районе Джубга, Геленджик.

Одержанная победа давала нам новые возможности для скорейшего выполнения задания партии. Туапсе представлял собой значительно большую пролетарскую базу, чем Сочи. Связавшись с партизанской армией, во главе которой открыто стояли коммунисты, командированные

партийными организациями Ростова, Новороссийска и Екатеринодара, мы в ближайшее время могли добиться советизации всех вооруженных сил Черноморья. Кроме того, выход на новые рубежи еще больше отдалял КОЧ от фронтовых частей.

Авторитет же этого сочинского «правительства» и без того падал с каждым днем. Наши войска взяли Туапсе без ведома Комитета освобождения Черноморья, и победа эта еще раз подчеркивала эфемерность его существования. Большая часть нашей действующей армии состояла после занятия Сочи из перебежчиков и пленных, которым совершенно чуждой была идея создания «независимой» Кубано-Черноморской республики. Дело дошло до того, что назначения, не получавшие нашего негласного одобрения, оставались на бумаге. Так, пришлось вернуться в Сочи члену КОЧ Григорию Учадзе, которого там назначили командующим фронтом туапсинского направления: на фронте никто к нему ни с какими докладами не приходил, ни с какими вопросами не обращался, распоряжения его во внимание не принимались, все шло своим чередом, как будто его вообще не существовало.

Наличие коммунистов в армии крестьянского ополчения и усиление в ней советских настроений не было секретом для КОЧ. Он сознавал грозившую ему опасность, но сделать уже ничего не мог. То, что еще недавно представлялось комитету легко осуществимым — использование антиденикинских устремлений Кубани для договоренности о создании «независимой» Кубано-Черноморской республики, обернулось миражом: антиденикинские настроения казачьих областей не достигли того предела, который был необходим для взрыва, а антисоциалистические тенденции буржуазной рады помешали ей договориться даже с такой псевдосоциалистической организацией, как эсеро-меньшевистский КОЧ.

Мы все сознавали, что вступаем в критический этап борьбы за выполнение задания партии, и с жаром обсуждали новые, более сложные и ответственные задачи, которые вставали перед революционно-следственной комиссией.

Из Туапсе меня торопили: приезжай скорей, тут непочатый край работы. Чтобы не оголять сочинскую комиссию, пришлось оставить здесь местных товарищей: С. Выхристюка, М. Трусова, А. Яичникова и некоторых

других. В Туапсе вместе со мной уехали Топкин, Дмитриев, Покровский, Мясников и еще несколько человек.

Прибыв на место, мы обсудили в нашей группе новые задачи, стоявшие перед ревследкомом, и новые условия работы. Над нами не довлела теперь опека комитета, и мы могли действовать открыто, руководствуясь партийными указаниями, революционной целесообразностью и деловой необходимостью. Приближалось время разрыва с КОЧ и объединения всех повстанческих сил под большевистским руководством. КОЧ предпримет, конечно, защитные меры для спасения своего авторитета и положения. Поэтому надо было обдумать, как упредить действия комитетчиков. Кроме того, повседневная работа ревследкома становилась несравненно масштабней: под стражей у нас находились полтысячи офицеров и немало гражданских лиц; освобождена уже территория почти всего побережья; армия крестьянского ополчения достигла шести тысяч человек и далеко еще не полностью освоена; наспех сформированная милиция не могла справиться с наведением порядка в городе. Вот почему надо было повсюду поспеть, все знать, быть ко всему готовыми.

Партийная организация, вышедшая из подполья, провела конференцию членов партии и сочувствующих. Руководитель ее, кадровый рабочий Иван Бугай (Кондачков), отлично знал обстановку в Туапсе. Члены партийного комитета Михаил Воронков и Марк Пратусевич находились в отрядах повстанцев, и мы в своей работе постоянно опирались на их практические советы. Помогали нам деловыми указаниями председатель профсоюза металлистов Васильев и его товарищи.

Туапсинская тюрьма была забита к нашему приезду пленными офицерами и арестованными гражданами. Разобраться с ними и разгрузить тюрьму стало одним из первоочередных дел. Мы учитывали и близость фронта, и то, что каждый день может дать новый контингент пленных, которых некуда будет разместить. Решили рассортировать всех на три категории. В первую вошли контрразведчики и участники карательных экспедиций; их судьба была определена и поэтому требовала особой тщательности при разборе дела. Во вторую — офицеры, против которых не было дополнительных обвинений; этих предполагалось перевести в сочинский лагерь военнопленных. И третью,

наиболее безопасную категорию, ждал переезд в Сочи и освобождение в тылу.

Народная ненависть к денкинскому разгулу вызвала широкий поток заявлений и свидетельских показаний против наиболее активных белогвардейцев. Мы столкнулись здесь со злобным, жестоким и распущенным офицерством, не похожим на тех тыловиков, которые сами шли в Сочи регистрироваться в нашу комендатуру.

Существенную помощь следствию при распределении на категории оказал один из пленных, по национальности грузин, служивший в белых частях по мобилизации. За него поручился Мико Ломджария, тот самый, что участвовал с нами в десантной группе в начале военных действий, а затем сотрудничал в ревследкоме. Я вызвал этого офицера к себе, и он не без колебаний согласился дать исчерпывающие характеристики пленным, которых я буду допрашивать при нем.

Примерно через неделю эта работа была закончена. Шестнадцать контрразведчиков и карателей поплатились жизнью за свои зверства. В отношении некоторых лиц, отнесенных предварительно к первой категории, не хватало материала для окончательного решения, и их оставили ждать своей участи под стражей в Туапсе. Большую группу готовили для этапа в Сочи.

Много хлопот было и с арестованными «гражданскими». Почти все они оказались пассажирами поездов, которые в день взятия Туапсе шли из Армавира. Их задержал батальон Сафонова на станции Георгиевская. Некоторые — жители Кубани и Черноморского побережья — ехали по своим семейным делам, другие — дальние путники, — естественно, вызывали подозрение.

В эти же дни произошел трагический случай, напомнивший нам, с какой тщательностью и осмотрительностью надо подбирать кадры.

Ко мне подошел один из официальных представителей грузинской армии, которого я знал еще в Сочи, и по секрету сообщил, что, по имеющимся у него сведениям, в Туапсе существует подпольное отделение так называемого «алексеевского комитета». В задачи белогвардейской организации «имени генерала Алексеева» входило снабжение добровольцев документами, денежными средствами, шпионскими сведениями и т. п. Двое из этого «комитета» скрывались под видом торговцев рыбой, третий сапожни-

чал, четвертый портняжил. Подозрение в помощи «комитету» падало и на известного в городе врача Баллонова.

Четыре члена ревследкома и комендант комиссии Веретеников, заводской парень, только что принятый к нам на работу, были направлены ответственными на обыск. У подозреваемых лиц нашли письма, адресованные денкинцам, и офицерские вещи. Пришлось арестовать этих людей и повести следствие.

Вечернее заседание комиссии прервал телефонный звонок начальника милиции:

— Вам известно что-нибудь о грабеже в доме доктора Баллонова?

Оказывается, сын доктора, гимназист, пришел в милицию с заявлением о похищении во время обыска денег и драгоценностей из хранившейся на чердаке корзины. Решение было суровым: участников обыска, уличенных в мажордерстве, — расстрелять...

Эта крайняя мера была обнародована и подействовала на легких любителей паживы: ревследком расстреливает даже своих, если они того заслуживают.

К нам пытались проникнуть не только уголовные элементы. Как-то в ревследком пришел человек лет двадцати пяти, оборванный, с отечным лицом, и предъявил справку, выданную еще при белых начальником туапсинской тюрьмы. В ней значилось, что корнет Александр Шевченко в течение года содержался под стражей по подозрению в большевизме. Он пришел предложить свои услуги по розыску укрывающихся белогвардейцев.

К счастью, этого типа опознали железнодорожники и портовики, помогавшие нам в текущей работе. Оказалось, что «корнет» называл себя то поручиком, то мичманом, служил при денкинцах, известен как завзятый хулиган. Очевидно, он так компрометировал власть, что даже видящие виды беляки посадили его, резонно решив, что его служба у них ничего, кроме вреда, не принесет. Пришлось и нам применить к нему ту же «меру пресечения».

Одним из самых «интересных» и перспективных с точки зрения следствия арестованных был штаб-ротмистр Арнольд, успевший улизнуть от нас из Сочи, но пойманный в Туапсе. Его подпись: «Нач. контрразведывательного отделения при штабе Черноморского Военного Губернатора, г. Сочи» — скрепляла немало документов об аре-

стованных, содержавшихся в период деникинщины в сочинской окружной тюрьме. Арнольд многое знал...

Среднего роста, упитанный и нарядный брюнет с выразительными темными глазами, он во время допроса с вежливой улыбкой смотрел мне прямо в глаза. «Понимает, негодяй, что нужен нам живой», — думал я, рассматривая этого матерого врага. А он спокойно, точно речь шла о чем-то несущественном и само собой разумеющемся, говорил, что охотно даст все необходимые нам сведения, только затрудняется сделать это сейчас по памяти, боится запутать, ввести нас в заблуждение, так как сам непосредственного отношения к агентурной сети не имел, а помощник, ведавший ею, скрылся.

Следствие было долгим и трудным. Оно вело к сочинской контрразведке врага. Туда вместе с подследственным пришлось выехать Михо Ломджария. Дело еще не закончилось, когда лавина кубанских полков, отступавших под натиском регулярных частей Красной Армии, прорвала на Гойтхском перевале наш фронт и временно заняла Туапсе и Сочи. Арнольду и некоторым другим арестованным, ждавшим своей участи, посчастливилось избежать заслуженной кары...

9 марта мы выстроили человек сто пленных офицеров, чтобы этапировать их в Сочи. Вместе с конвойными колонну решил сопровождать и я. Мы тронулись в путь и вскоре заметили, как, оставляя за собой черную полосу дыма, в порт стремительно приближался белогвардейский миноносец.

— «Поспешный», — определил один из наших знатоков флота. — Сейчас откроет огонь.

Миноносец и в самом деле начал стрельбу. Я кинулся к береговой батарее, которая не сразу ответила «Поспешному». Но вот подбежали артиллеристы, и завязалась дуэль.

Одним из первых снарядов противника разнесло в щепы какой-то сарай, стоявший у нас на виду. Беда угрожала вагопам с боеприпасами, что стояли на запасном железнодорожном пути. К счастью, снаряды, разорвавшиеся на Сортировочной, упали в стороне.

Наконец, огонь нашей батареи отогнал миноносец в открытое море. Три туапсинца и два солдата серьезно пострадали, один человек был убит. Мы ожидали повторения бомбардировки, но «Поспешный» больше не появлялся.

На следующее утро пленных погрузили в вагоны. Кроме офицеров, направляемых в сочинский лагерь военнопленных, в поезде находился и хорошо известный партизанам полковник Петров. Это под его началом за полгода до восстания свирепствовала карательная экспедиция в горном селении Третья Рота. Один из партизан того района, участвовавший в освобождении Туапсе, Сергей Волковинский, узнал Петрова и сообщил о нем командиру Волковского партизанского отряда В. Балонкину. На станции Лазаревская полковника передали из нашего состава конвою местного партизанского отряда, который доставил карателя на место его кровавых преступлений. Там он и был казнен.

К вечеру наш этап прибыл в Сочи, и мы сдали офицеров в лагерь военнопленных. Покончив с делами, я зашел в «Ривьеру», чтобы спросить Самарина-Филипповского о его дальнейших действиях. Он был очень растерян и ничего определенного не сказал. А растеряться было отчего.

На днях кружным путем, через Сочи в Туапсе, проехали товарищи, специально командированные в район восстания из регулярной Красной Армии — Л. Ивницкий и П. Соркин. КОЧ знает об этом. Местная группа коммунистов успела наладить постоянную связь с сухумской организацией. КОЧ видит это. В открытую проводятся партийные собрания, и КОЧ не может воспрепятствовать этому. Командующим армией крестьянского ополчения назначен коммунист Е. С. Казанский, и КОЧ не возражает, так как не в состоянии справиться с армией без нашего руководящего участия. Теперь невозможны такие провокационные вопросы, которые месяц назад задавал мне цеголеватый юрист Тэр-Григорян, член КОЧ:

— Вы знаете, что в Сочи есть большевики? А скажите, что вы думаете предпринять, если коммунисты поведут свою агитацию?

Тогда я принужден был ограничиться ответом, что ревследком создан для борьбы против деникинцев и в межпартийные споры вмешиваться не может. А теперь мне и отвечать ничего не приходилось, потому что всем стало известно, что мой заместитель В. А. Топкин — старый большевик, что в Туапсе нашу работу во многом направляет партийная организация.

Местные большевики А. Яичников, С. Ерофеев, М. Трусов и другие с первых дней ревследкома работают в этой

организации и практически решают многие дела совершенно самостоятельно. Н. Барибан по-прежнему командует комендантским взводом.

Один из активнейших наших друзей, подвижный и находчивый С. Выхристюк, особенно обрадовался нашей встрече. В последнее время он возглавлял небольшую группу смельчаков, оперировавших на море. Они выходили на моторной лодке, контролируя проходившие вдоль берега суда.

Через несколько дней этой группе предстояло отправиться в Потю для захвата денкишского парохода «Казака». Выхристюку с товарищами необходимо было личное оружие, которого у них не хватало, и я охотно помог им. Мы дружески обнялись на прощание. Он обещал привести «Казака» в Туапсе под защиту наших батарей. Но события разметали нас в разные стороны, и история этой операции стала известна мне много позже.

До конца месяца не было подходящих условий для захвата парохода, и только в ночь на 28 марта группа в восемь человек явилась на борт «Казака» и потребовала немедленно сняться с якоря и идти в Туапсе. Команда подчинилась, однако при выходе из ворот бухты пароход попал на мель. Вмешались грузинские власти, появился английский миноносец «Карадок», и в конце концов пароход захватило меньшевистское командование. Старый экипаж списали на берег, а наши товарищи едва ушли...

На следующий день после передачи военнопленных в Туапсе собрался съезд фронтовиков. Он одобрил решение партийного совещания повстанцев о переформировании крестьянского ополчения и партизан в единую повстанческую Красную армию Черноморья по образцу регулярной армии, во главе с Реввоенсоветом.

Меня вызвали к прямому проводу и подробно информировали.

— Поздравляю вас, — передавал Топкин, — вместо ревследкома теперь будет особый отдел армии.

Значит, мы правильно работали, раз все оставлено на своих местах. Права дают большие, но и ответственности прибавляется.

Я заторопился в Туапсе. В особый отдел командировали еще двух заместителей: совсем молодого и безудержно горячего парня Иоффе («гроза спекулянтов», как мы его называли) и более опытного, кстати сказать, не забыв-

шего кандалов царской тюрьмы, Леона Брейтбарта, известного под именем Курбан-оглы. Оба они до этого находились в партизанской армии. Иоффе был особистом, а Курбан-оглы — председателем ревтрибунала.

Через несколько дней после съезда фронтовиков в Туапсе состоялся откровенный разговор руководителей Красной армии Черноморья с приехавшими на эту встречу членами КОЧ. Притязаниям эсеро-меньшевистской компании хотя бы формально руководить событиями положили конец, а идею создания Кубано-Черноморской республики попросту высмеяли.

До сих пор пропагандистская деятельность КОЧ носила главным образом теоретический характер, далекий от политических задач текущего дня. «Бить Деникина!» — было понятно всем, а что будет потом — об этом думали немногие. Теперь же, видя, что почва уходит у них из-под ног, эсеры и меньшевики стали делать судорожные попытки внести разлад в ряды повстанческой армии и начали засылать в батальоны своих эмиссаров с литературой, восхвалявшей «демократические» планы КОЧ. Не теряя надежды договориться с Кубанской радой, они особое внимание уделяли нашему Северному фронту, где сражалось немало местных партизан.

Топкин и Курбан-оглы энергично занялись этим делом, и вскоре передо мной сидели несколько человек таких «представителей» КОЧ. Зажиточные крестьяне приморских сел — знакомые по Сочинскому съезду — делали вид, что не понимают причины ареста.

Открытую войну против КОЧ Реввоенсовет нашей армии вполне резонно считал преждевременной, а репрессии могли вызвать ответную реакцию и ударить во не укрепшей еще сочинской большевистской организации. Плата слишком дорога, тем более что у нас была полная возможность оградить армию от нежелательных гостей: институт политкомов и уполномоченных особого отдела был тому порукой. Всех этих задержанных попросту выслали из Туапсе, и они вернулись в Сочи...

Пока мои товарищи выясняли все обстоятельства, связанные с привозом враждебной нам литературы, я устроил по приморскому шоссе в сторону Геленджика. Повстанцы этого района с самого начала гражданской войны действовали под руководством коммунистов. Когда я рассказывал комфронта

Моренцу и политкому Бакулину о группе, задержанной на Северном фронте, они, дополнительно к нашим мерам, поставили заставу со стороны Туапсе, чтобы ни один посторонний человек к ним не проник.

Однако КОЧ не отказался от борьбы. На совещании с руководителями Красной армии Черноморья он принужден был согласиться на организацию местных Советов, на созыв губернского съезда Советов и избрание на нем губисполкома, которому предстояло «вручить всю полноту власти». Пытаясь спасти свое положение, КОЧ попробовал надеть на себя личину сторонника Советской власти, активно участвовать в организации съезда, обмануть этим трудящихся побережья, привлечь их симпатии на свою сторону и в то же время максимально использовать свое влияние на зажиточную часть черноморского крестьянства. Расчет был столь же прост, сколь и наивен: завоевать большинство на съезде и остаться у власти.

Одной из попыток, предпринятых в этом направлении, была рассылка по районам телеграммы за подписью члена КОЧ Драчевского. В ней сообщалось, что губернский съезд Советов назначается «согласно постановлению членов КОЧ».

Этот маневр КОЧ был, конечно, сразу же понят и разоблачен нашим политотделом. В ответ было послано указание: «Ничьи распоряжения о съезде Советов Черноморской губернии не действительны, кроме распоряжений Реввоенсовета или политотдела при Реввоенсовете». Кстати, это произошло буквально накануне соединения повстанцев с частями регулярной Красной Армии. Поэтому телеграмма Реввоенсовета и начиналась радостными словами: «Бьет долгожданный час, наши войска в десяти верстах от победоносной Красной Армии Советской России».

И действительно, уже на следующий день, 22 марта, отряд И. Б. Шевцова соединился в Майкопе с Первой Конной армией. А на следующий день части нашего Приморского фронта связались у станции Афицкая с первой бригадой 22-й дивизии 9-й армии. Затем части 50-й дивизии вышли через перевал к Джубге.

Этому предшествовало значительное продвижение наших войск в глубь Кубани и вдоль побережья. После основательной подготовки в упорном бою 15 марта был освобожден Геленджик, в районе Кабардинки захвачены бро-

невики и орудия; под удар поставлен этот последний (перед Новороссийском) опорный пункт деникинцев.

...Я ехал на перекладных вместе со своим старым боевым товарищем по московской Красной гвардии И. И. Базыльчуком. До революции он учился в туапсинском Барваринском сельскохозяйственном училище, участвовал в нелегальной деятельности местной партийной организации, хорошо знал побережье и здешних людей. Во время деникинщины был начальником небольшого партизанского отряда в районе Пшада, Береговая. Мы встретились с ним в первые же дни освобождения Туапсе и снова стали неразлучны.

На подъезде к Геленджику — это было 19 марта — уже слышались далекие звуки боя. К вечеру они стали приближаться к городу, и ночью на Геленджик напали белые. Бой шел с переменным успехом, и временами положение становилось угрожающим.

Штаб фронта помещался в двухэтажном каменном доме. Широкое обветренное лицо Моренца с крупными, грубоватыми чертами застыло в крайнем напряжении. Он торпеливо выслушивал мнение товарищей, собравшихся на совещание, потом, помедлив, не спеша отдавал приказания. По тому, как на него смотрели командиры, по тому, как они охотно и деловито отправлялись исполнять его приказы, было видно — верят в него безоголдно.

Он вводил в бой новые части скупно, явно экономя силы и придерживая резервы. Точных данных о противнике не было, и в ту ночь все одобряли такую тактику, рассчитывая, что в случае крайней нужды к нам всегда смогут прийти на выручку свежие силы.

Часам к трем утра в штаб ворвался взлохмаченный молодой боец. Все повернулись к дверям. Еле отдышавшись, он прокричал:

— Товарищ Илья! Прорвали... отступаем...

Очевидно, Моренец знал этого бойца и то, из какой он части, и в каком направлении эта часть может отступать... Он обвел взглядом присутствующих и остановился на одном. Сказал негромко, с оттенком досады (вот, мол, из-за чьего-то недосмотра приходится отрывать человека от обсуждения более важных дел):

— Пашет, иди, восстанови положение.

Из-за стола устало поднялся невысокий военный и тяжело шагнул к двери.

Совещание продолжалось. Прошло больше часа. Стрельба по-прежнему то приближалась, то удалялась, и наконец затихла.

Вернулся Пашет. Несколько пуговиц на шинели не хватало, рукав разорван, полы в грязи.

— Положение восстановлено, — произнес он и сел на свое место у стола.

Моренец внимательно поглядел ему в глаза и кивнул.

Днем наступление деникинцев возобновилось. Закончив дела во фронтовом пункте особого отдела, я заглянул в штаб. Во дворе стояло несколько подвод, и штабные канцеляристы поспешно укладывали на них пишущие машинки, папки, связки документов. Моренца не было.

— Что такое?

— Эвакуируемся... — нехотя ответил мне штабной писарь, с опаской поглядывая в сторону разгоревшейся перестрелки, в которую гулко вкрапливались артиллерийские разрывы.

Через несколько минут все штабисты сидели на своих местах, и от этой самочинной эвакуации не осталось и воспоминания. К вечеру противник был окончательно отбит и снова занял оборону под Кабардинкой.

Деникинцы не ограничивались попытками сдержать наше наступление, преграждая нам путь стрелковыми частями. Их поддерживала с моря артиллерия того же миноносца «Поспешный», который обстреливал Туапсе.

В Геленджике у нас не было калибров больших, чем полевая трехдюймовка, и «Поспешный», бросив якорь в середине геленджикской бухты, безнаказанно посылал снаряды на наши головы. Повятно, что подобный обстрел не мог причинить ущерба воинским подразделениям и велся в расчете вызвать панику. Был обстрелян, в частности, штаб, над домом которого развевался красный флаг. Как раз в это время Моренец принимал донесения командиров частей. Кто-то заволновался, бросился к окнам.

— Спокойно! — остановил их Моренец. — Стреляют по штабу, значит, разнесут соседние дома. Прошу по местам. Заседание продолжается.

И действительно, ни один снаряд в штаб не попал.

Наладив пункты особого отдела, мы вернулись в Туапсе. Здесь подходило к концу следствие по последней группе пленных и задержанных офицеров. С Северного фронта поступали обнадеживающие сообщения о новых успехах,

о развитии повстанческого движения в стапидях Кубани, о стремительном продвижении регулярной Красной Армии.

И вдруг... катастрофа. Под стапидей Хадзыженская потерпел крушение обстрелянный белыми наш эшелон. Многотысячная Кубанская армия, отступая под натиском Первой Конной, устремилась на Гойтхский перевал, чтобы выйти к морю. Наши сил явно не могло хватить на то, чтобы сдержать такую лавину. Реввоенсовет принял решение оставить Туапсе и отвести все части в район Небуга.

В ночь на 24 марта город эвакуировался. Реввоенсовет, штаб армии, политотдел и особый отдел переехали на катере в Джугбу. Батальоны и вновь сформированный отряд коммунистов пошли строем по шоссе. Мне пришлось проститься со своим боевым другом Гришей Дмитриевым, снова вернувшимся к пулемету. Вскоре Гриня перешел в части 9-й армии и сражался в 50-й и 34-й дивизиях вплоть до полного разгрома белых на Кубани. 3 сентября 1920 года в бою против белых банд генерала Фостикова он был ранен в живот, но не оставил пулемета и вел огонь по противнику до подхода нашего подкрепления. Его мужество и отвага были отмечены орденом Красного Знамени.

Через несколько дней в Геленджике мне довелось последний раз видеть активных белогвардейцев и решать их судьбу.

Накануне освобождения Новороссийска поздно вечером меня вызвали в штаб фронта.

— Поедем в Кабардинку забирать донцов, — предложил мне Моренец.

Оказывается, у него были сведения о том, что остатки Донского корпуса сгруппировались в Кабардинке и, потеряв надежду на эвакуацию морем, намерены идти по шоссе в сторону Грузии.

Моренец, Бакулин и я подъехали к сторожевому посту донцов как парламентарии и были проведены в дом, занятый командованием этой части.

Офицеры лежали на полу и на лавках, одетые, с поднятыми воротниками шинелей. Моренец с первых же слов рассеял их надежды уйти по побережью с оружием в руках.

— Вот что, — сказал он, — к шести часам утра все оружие вашей части будет сложено вон в той балке у въезда в Кабардинку. Иначе в плен брать не будем!

— То есть как это не будете?! Вы что, не подчиняе-

тесь своему же командованию? — И донец положил перед нами листовку Кавфронта, в которой говорилось о неприкосновенности пленных.

— Вот именно, что подчиняемся, — парировал Моренец. — Если вы разоружитесь и сдадитесь, то гарантируем вам полную неприкосновенность. А в бою никто нас не заставляет падать противника. Подумайте!

И мы отправились в обратный путь. Весть о нашем ультиматуме мгновенно облетела всех донцов, и уже на полдороге к Геленджику нас обогнала сдававшаяся донская конница.

Новороссийск был взят 27 марта ударами с нескольких направлений. В его освобождение внесли свою лепту и части повстанческой Красной армии Черноморья.

Моренец, Бакулин и я спешили в город. По шоссе длинным потоком продолжали идти конные части. Из ущелий выезжали группы обезоруженных кавалеристов противника. Опущенные головы, боязливые взгляды исподлобья. Разбитые орудия, опрокинутые зарядные ящики, обозные повозки, трупы людей и лошадей — все затащила жидкая грязь, доходившая нашим коням до колен.

По-над берегом медленно, точно крадучись, проходил английский миноносец. В бинокль хорошо были видны офицеры, разглядывавшие берег...

Мы ехали, тесно зажатые со всех сторон, и вглядывались в радостные лица красноармейцев. Показалась Цемесская бухта. Нежданно дымя и изредка огрызаясь огнем бортовых орудий, с Новороссийского рейда выползали в открытое море незадачливые защитники русской белогвардейщины — военные суда Великобритании.

Это был конец деникинщины.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение	5
В. Т. Сухоруков. Во имя революции	22
В. А. Сергеев. В богатырском строю	79
Я. Т. Черевиченко. Схватка у Маньча	108
М. С. Кузнецов. Шла дивизия вперед	114
Г. П. Ломакнн. Незабываемые годы	130
И. А. Чуев. За родную власть	140
С. Н. Красильников. От Воронежа до Новороссийска	162
И. Н. Шевченко. Рожденные в пламени	182
В. М. Примаков. Рейды червоных казаков	209
Е. И. Поздняков. Когда бушевали вихри	224
И. С. Стройло. Могучий таран	244
И. Г. Зиберов. Разведчики Первой Конной	261
А. В. Голубев. В Кавказской кавалерийской	281
Б. Н. Кудрин. Авиастряд особого назначения	308
И. Лантух. Повстанцы Левобережной Украины	341
Н. Самурский. Дагестан в огне	349
Ф. Ф. Лыткин. Красные камышинцы	356
И. Б. Шевцов. Черноморская эпопея	362
И. В. Сабляин. Из подполья — в бой	382

ПРОТИВ ДЕНИКИНА

Сборник

Редактор *Н. М. Бордский*
Лит. редактор *Э. П. Зорин*
Худ. редактор *А. М. Голикова*
Художник *В. В. Васильев*
Технический редактор *М. Н. Каленцова*
Корректоры *Л. А. Болдина, Г. В. Сакович*

Г-50336. Сдано в набор 29.2. 68 г. Подписано к печати 25.3.68 г.
Формат 84 × 108^{2/32}. Печ. л. 12^{3/4}. Усл. печ. л. 21,42 + 3 наклейки, печ. л. ^{3/8}.
Усл. печ. л. 0,615. Уч.-изд. л. 21,971

Изд. № 3/7623

Бумага типографская № 2
Цена 84 коп.

Зак. 138

Ордена Трудового Красного Знамени
Военное издательство Министерства обороны СССР. Москва, К-160
Г-я типография Воениздата
Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3